

Глава 30

Старший брат вернулся

Влюбленный до мозга костей

Не зря организация звалась «Сань Юэ». Три месяца — один сезон.

Гу Цянь пристально наблюдал за Цзи Лююнем, подмечая каждую, даже самую мимолетную перемену в выражении лица Глупого пса. Его взгляд оставался внешне бесстрастным, однако на душе было отнюдь не так спокойно.

К этому моменту они уже перешли черту: были и поцелуи, и прикосновения. Юноша позволил многим границам стереться; он приоткрыл дверь своего сердца, впуская Цзи Лююня в свою жизнь. Это решение было одновременно актом силы и признанием собственной уязвимости.

Гу Цянь в душе был трусоват: из тех, кто, сделав шаг вперед и почувствовав боль, готов отступить на сотню шагов назад. Теперь ему стало неважно, кем спутник был в прошлом — раз уж он принял решение, то в меру своих сил готов был нести этот груз.

Ему требовался лишь один ответ: обманывал ли его Цзи Лююнь намеренно?

Столкнувшись с таким бурным и внезапным опознанием, Златовласка, не раздумывая, вцепился в край одежды Гу Цяня. Он смотрел только в глаза практика, испуганно и часто мотая головой.

— Я правда ничего не помню, Гу Цянь. Совсем ничего.

В его голосе сквозит такой неприкрытый, искренний ужас, что этого было достаточно. Даже если это было эгоистично, для юноши этого объяснения хватило. Страх и растерянность Цзи Лююня стали опорой для его собственной неуверенности.

Гу Цянь обвел взглядом офисный этаж. Почувствовав, как его правую руку пытаются поймать, он завел её за спину, но Цзи Лююнь был наготове: он перехватил ладонь и крепко сжал её, переплетя свои пальцы с его.

Тот не стал вырываться, позволяя ему вести себя так.

— Я действительно не помню, клянусь тебе, — шепотом повторил Глупый пес.

Казалось, он был готов прямо здесь вырвать свое сердце и предъявить его как доказательство чистоты своих помыслов.

— Я понял, — отозвался Гу Цянь.

Ань Цзянь, прижимая ладонь к окровавленному лбу, не выказал никакого удивления — он уже успел насмотреться на странные отношения этой парочки в машине. А вот массивный мужчина, стоявший перед ними, буквально лишился дара речи.

— Старший брат, где же ты пропадал всё это время?

Его голос дрожал от такого пафоса и восторга, словно он встретил не главу организации, а родного отца. Увидев, что Цзи Лююнь лишь непонимающе смотрит на него, великан разрыдался ещё пуще.

Мужчина сделал шаг вперед. Цзи Лююнь тут же попытался спрятаться за спиной юноши, но из-за разницы в росте это выглядело комично: как бы он ни втягивал голову, его мощная фигура всё равно возвышалась над Гу Цянем.

— Вы меня с кем-то путаете.

— Старший брат! — возопил незнакомец. — Я же Юэбай! Цю Юэбай! Неужели ты забыл меня?!

В этом вопле, сотрясавшем стены, было три части театральщины, шесть частей искренней тоски и одна часть чистого отчаяния. Перед ними предстал образ преданного до гроба последователя. Цю Юэбай активно размахивал руками, пытаясь какими-то знаками привлечь внимание, но ответом ему была лишь тишина.

Понимая, что так они ни к чему не придут, Гу Цянь заговорил первым:

— Ваш Старший брат потерял память.

Услышав это, Цзи Лююнь еще крепче вцепился в руку практика, боясь, что его оставят здесь одного.

— Брат, что с тобой случилось? — не унимался Цю Юэбай.

— Всё так, как сказал Гу Цянь, — подтвердил Цзи Лююнь.

— Гу... — радость от встречи со Старшим братом на миг затмила разум Юэбая, но теперь он пришел в себя. — Так ты и есть тот самый Гу Цянь?

— Да.

— И Старший брат потерял память?

— Именно.

— Я ничего не помню, — Цзи Лююню не нравилось, когда кто-то донимал спутника расспросами, поэтому он снова выступил вперед, заслоняя его собой. — Но Гу Цянь очень важен для меня.

Цю Юэбай лишился дара речи.

Прошное Глупого пса было важным вопросом, но юношу больше заботила судьба той неприкаянной души.

— Может, перейдем в более подходящее место для разговора? — предложил он и, взглянув на Ань Цзяня, добавил: — А тебе не мешало бы заняться раной.

Всё было сказано настолько спокойно и рассудительно, что Юэбай и Ань Цзянь синхронно закивали. Несмотря на то что великан всё ещё пребывал в прострации, он с глубоким почтением проводил их в кабинет.

Распахнув дверь, он представил комнату:

— Старший брат, ты узнаешь? Это твой кабинет.

В комнате царило безмолвие и чистота.

На массивном письменном столе покоились тушечница и подставка для кистей. В углу высилась ширма из красного дерева с изящной росписью тушью, изображавшей орхидеи. Рядом стояло кресло, на подлокотнике которого висела легкая бело-голубая накидка. Весь интерьер был пронизан духом спокойствия и благородства.

Судя по всему, если кабинет действительно принадлежал Цзи Лююню, то его не было здесь более полугода. Однако в помещении не было ни пылинки — было очевидно, что здесь регулярно и с большой любовью прибирались.

Гу Цянь взглянул на Юэбая. Степень доверия к этому человеку в его глазах заметно выросла. Сам мужчина в это время с нескрываемой надеждой смотрел на лидера. Цзи Лююнь тоже внимательно осматривал обстановку, но в его глазах читалась лишь полная растерянность.

— Послушайте, — Гу Цянь нахмурился. — Ань Цзянь в машине рассказывал мне, что ваш Старший брат...

Вспоминая те красочные описания «утонченного повесы», которыми сыпал парень, юноша замаялся. Всё же они были на чужой территории, и речь шла об их уважаемом руководителе.

— ...человек, умеющий наслаждаться жизнью, — смягчил он формулировку.

Обстановка кабинета вполне соответствовала статусу существа четырехсотлетней выдержки, но никак не вязалась с образом ветреного щеголя. Цю Юэбай посмотрел на Старшего брата, но, не найдя на его лице ни капли уважения, печально вздохнул. Он понял, что сейчас все вопросы нужно решать через Гу Цяня.

— Вы говорите о нашем другом Старшем брате, — собеседник перевел взгляд на их переплетенные руки. — Не о том, за кого вы так крепко держитесь.

У них было два временных лидера и два постоянных.

Гу Цянь даже не успел отреагировать, как Цзи Лююнь легонько сжал его ладонь.

— Я ничего не помню.

Он повторял это так часто, что Цю Юэбай готов был закричать: «Да понял я уже!»

— Могу я узнать имя вашего другого Старшего брата? — спросил практик Инь.

— Ну... я не знаю, — Юэбай явно колебался. Видя отношение лидера к этому человеку, он не понимал, сколько информации можно раскрывать постороннему, поэтому решил придерживаться фактов, известных многим. — Оба наших главы — люди скрытные. Они никогда не называют свои имена посторонним и даже друг другу. Все их подписи состоят лишь из двух загадочных букв.

— Каких именно?

— S и Y, — пояснил собеседник, понизив голос до таинственного шепота. — Имена наших лидеров — это великая тайна.

Гу Цянь замолчал. В тишине офиса было слышно лишь дыхание присутствующих.

Теперь уже весь форум «Цзе Жун» знал, что Златовласого призрака зовут Цзи Лююнь. Пару месяцев назад это было известно и Лао Цяо, и Управлению Жёлтых источников. Весь мир знал его имя, и только в «Сань Юэ» всё ещё верили, что свято оберегают этот секрет.

Поистине, в эпоху мгновенного распространения информации излишняя консервативность выглядела пугающе.

— Может, вам стоит хоть иногда заходить в интернет? — осторожно предложил юноша.

Реакция Цю Юэбай была именно такой, как описывал Ань Цзянь: он яростно запротестовал, проявляя почти религиозную преданность старым порядкам.

— Старший брат говорил: в сети одни демоны и призраки, нам нельзя с ними связываться!

Ирония заключалась в том, что «Старший брат», о котором он говорил, сейчас всюю интересовался даже АВО-литературой. Гу Цяню оставалось лишь вежливо кивнуть, не в силах что-либо возразить.

Внимание юноши привлекла небольшая ниша в стене, оформленная в виде алтаря. Она располагалась на изящном столике; внутри стоял керамический сосуд простой формы. Края застывшей глины на горлышке были покрыты сетью отпечатков пальцев, словно кто-то с силой придавливал печать. Внутри сосуда чувствовалось слабое колыхание ауры, чем-то напоминавшей ауру самого Цзи Лююня.

Гу Цянь замер, вглядываясь. Цю Юэбай, проследив за его взглядом, мгновенно изменился в лице. Он быстро сделал пару шагов, загораживая алтарь собой.

— Пожалуй, нам лучше пройти в переговорную. Там будет удобнее.

Юноша догадался, что именно скрыто в сосуде, и не стал винить мужчину за излишнюю осторожность.

— Хорошо.

В переговорной Гу Цянь сразу перешел к делу, заявив, что намерен вмешаться в сделку с Лю Шэном. Цю Юэбай заколебался, снова ища поддержки у лидера.

— Это сделка между мной и «Сань Юэ», — отрезал практик Инь. — К вашему Старшему брату она не имеет отношения.

Он не собирался использовать свои связи с Цзи Лююнем для давления.

— Прежде всего, дело Лю Шэна связано с убийством. Мы оба знаем, что даже практики Инь не имеют права препятствовать правосудию и нарушать порядок между мирами.

Цю Юэбай погрузился в раздумья.

— Во-вторых, развеивание души — это тяжкий грех, — юноша слегка потряс руку, которую всё ещё сжимал Златовласка. — Уверен, даже если бы ваш лидер не потерял память, он никогда бы не одобрил подобного. И я говорю это не потому, что мы знакомы. Я слышал, что «Сань Юэ» всегда славилась своим умением соблюдать меру и никогда не уничтожали души без крайней нужды. Именно поэтому вы так быстро закрепились в Цзянчэне.

Мужчина нахмурился и опустил голову.

— И наконец, буду откровенен: я вижу, как ты дорожишь Старшим братом и всей организацией. Ты должен понимать, как сделка с Лю Шэном ударит по вашей репутации в будущем.

В их кругах доброе имя стоит дорого. Если «Сань Юэ» сделают это, то при любом упоминании о них в первую очередь будут вспоминать, как они погубили невинную душу. Даже в цифровой век статус организации напрямую зависит от её поступков. Юэбай, будучи временным руководителем, не мог этого не понимать.

— В конце концов, это всего лишь тень, которая никому не причинила вреда, — добавил Гу Цянь. — Мы — практики Инь, но прежде всего мы — люди. Есть вещи, мимо которых нельзя просто пройти.

В глазах собеседника промелькнуло уважение.

— Всё это верно с точки зрения морали, — юноша скромно принял этот взгляд. — Но у меня есть и более веская причина.

Он рассуждал о высоких материях так убедительно, что невольно вызывал восхищение. Юэбай приготовился услышать нечто еще более значительное.

Гу Цянь беспристрастно добавил:

— И самое главное: у меня личные счеты с Лю Шэном. Я хочу его прищучить.

Чистейшая личная вендетта.

Цю Юэбай: «...»

Образ благородного героя слегка пошел трещинами. Однако у него были свои сложности.

— Понимаете...

— Я же говорил, что Чунь Сяосюэ поступает неправильно! — в переговорную ворвался Ань Цзянь с перевязанной головой, пылая праведным гневом.

— А это еще кто? — поднял бровь Гу Цянь, отметив про себя, что имена в организации подобраны весьма поэтично.

— Наша вторая временная глава, — Ань Цзянь, очевидно, был недоволен этой женщиной. Чувствуя поддержку вернувшегося Старшего брата, он перестал церемониться и выложил всё как есть.

Оказалось, что после исчезновения лидеров бразды правления взяли Цю Юэбай и Чунь Сяосюэ. Первый отвечал за финансы, но был слаб в ведении дел. А вот Чунь Сяосюэ оказалась весьма искушенной в житейских делах; она давно грезилась о реформах и в последние месяцы совершила немало сомнительных сделок. Афера с Лю Шэном была её рук делом.

Юноша не собирался лезть во внутренние дела «Сань Юэ» — об этом должен был позаботиться либо сам Цзи Лююнь, либо второй настоящий глава. Но раз их интересы пересеклись, оставалось лишь договориться.

Гу Цянь предложил цену, которая более чем устроила организацию. Более того, он пообещал, что Лю Шэн надолго отправится за решетку и больше не сможет им угрожать.

Юэбай вздохнул с облегчением:

— Что ж, по рукам.

Гу Цянь потянулся за телефоном, чтобы сделать пометки, но рука наткнулась на пустоту. Он посмотрел на свой правый карман — тот самый, украшенный лапкой, пробитой насквозь магическим зарядом. Видимо, телефон выпал именно там.

Цзи Лююнь тоже посмотрел на испорченную вещь и расстроено погладил поврежденный

карман.

— Ох! — Ань Цзянь густо покраснел. — Простите! Я заставлю этого сопляка извиниться перед вами лично!

— Забудь, телефон — дело наживное, — отмахнулся Гу Цянь. — А вот с душой медлить нельзя. Мне нужен якорь. Если не вмешаться сейчас, тень окончательно развеется.

Якорь души — это центральный фрагмент мозаики. Он рождается из предсмертной привязанности духа и удерживает его от распада. Раз «Сань Юэ» наложили запрет на дух, значит, якорь был у них. Учитывая, насколько слабой была аура Инь, терзавшая Лю Цяя, времени действительно не оставалось.

Цю Юэбай быстро вернулся, неся небольшой лакированный ящичек. Крышка была запечатана талисманом, на котором мерцало темное свечение. Гу Цянь принял коробку.

— Мне нужно уединенное место для проведения ритуала, — он помедлил, а затем как бы невзначай спросил: — Ваш Старший брат...

Чтобы уточнить, о ком именно идет речь, он приподнял руку, которую всё ещё сжимал Цзи Лююнь.

— Где этот Старший брат жил раньше? И с кем?

Ань Цзянь не был посвящен в такие подробности. Гу Цянь смотрел прямо на Цю Юэбая, но тот вдруг замялся.

Цзи Лююнь прекрасно уловил подтекст вопроса. Он был польщен вниманием юноши, но его до смерти пугало собственное неизвестное прошлое. Колебания великана заставили его запаниковать. Он вцепился в руку практика мертвой хваткой.

За то краткое мгновение, пока Юэбай молчал, Глупый пес успел нафантазировать себе худшее. Он решил, что если сейчас вскроется какая-то неприятная правда, он немедленно утащит Гу Цяня отсюда. А если тот в гневе выставит его из дома, он поставит палатку прямо под окнами. Палатка обязательно будет золотисто-желтой, и он будет сидеть там круглые сутки, не сводя глаз с окна спальни. А если хозяин всё равно не простит его, он пророев подкоп и будет пробираться в дом, пока того нет, чтобы прибраться в комнатах...

Наконец Цю Юэбай заговорил:

— Я правда не знаю... где находится дом этого Старшего брата. Он редко здесь бывал, а когда приходил — решал дела и сразу уходил. Он никогда не приводил с собой никого. Но здесь, в офисе, у него есть комната для отдыха.

Он запнулся, словно вспоминая некую забавную деталь.

— Другой Старший брат часто подшучивал над ним...

Юэбай говорил с паузами, и сердце Цзи Лююня замирало. Гу Цянь нахмурился и тихо прошептал:

— Полегче, ты мне пальцы раздавишь.

Мужчина, наблюдая за ними, окончательно утвердился в догадках об их отношениях и решил выложить всё начистоту.

— Другой глава говорил, что он похож одновременно на монаха и на лягушку.

Лягушки — это не слишком красиво. Цзи Лююнь насторожился:

— Это еще почему?

— Потому что «одинокый ква», — неловко усмехнулся Цю Юэбай.

Глупый пес облегченно выдохнул. Он с гордостью посмотрел на Гу Цяня и торжествующе покачал его рукой.

— Отведи меня в его комнату. Мне нужно провести ритуал.

Цю Юэбай проводил их в небольшое помещение в конце коридора. За дверью их встретила спартанская обстановка: узкая кровать, простой шкаф и совершенно пустая тумбочка. В комнате царил почти болезненная чистота.

Гу Цянь вошел внутри и обернулся к спутнику:

— Мне нужно полчаса. Иди, пообщайся с ними. Вдруг вспомнишь что-нибудь полезное?

Цзи Лююню не хотелось уходить, но он понимал важность дела.

— Только ты никуда не уходи, ладно? Я боюсь, что потеряю тебя.

— Иди уже.

Цзи Лююнь закрыл дверь и с решительным видом повернулся к подчиненным. С этой непоколебимой решимостью он прошествовал обратно в кабинет и величественно уселся за стол. Весь этот процесс был исполнен такого изящества, что Юэбай и Ань Цзянь застыли в недоумении.

— Старший... Старший брат, — неуверенно начал Цю Юэбай. — Ты правда ничего не помнишь или притворяешься?

Ань Цзянь подался вперед:

— Брат, неужели к тебе вернулась память?

Но лидер лишь хранил многозначительное молчание, сохраняя крайне серьезный вид.

— Может, это кресло помогло тебе что-то вспомнить? — предпринял попытку Юэбай.

— Да-да, постарайся сосредоточиться! — подхватил Ань Цзянь. Они принялись наперебой давать советы:

— Брат, ты всегда здесь документы читал.

— Брат, может, пройдешься по кабинету?

— Старший брат, хочешь, мы обойдем весь этаж?

Они предлагали одно за другим, но Цзи Лююнь сидел неподвижно, словно обдумывая судьбы мира.

На самом деле он действительно был занят расчетом величайшей важности.

Только что. Буквально минуту назад.

Он, Цзи Лююнь, держал Гу Цяня за руку ровно 26 минут и 15 секунд.

Если округлить, то это же практически целый день!

Наконец он не выдержал. Подняв руку, на которой всё ещё ощущалось тепло чужой кожи, он уткнулся в ладонь носом и жадно вдохнул.

Цю Юэбай и Ань Цзянь осеклись на полуслове, на полминуты впад в ступор от этого жеста.

Хорошая новость: Старший брат вернулся.

Плохая новость: он влюблен до мозга костей.

<http://bllate.org/book/15848/1439488>